

ЛЕСТНИЧНАЯ БАШНЯ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ: АРХЕОЛОГИЯ, АРХИТЕКТУРА И ФРЕСКИ

© 2021 г. Вл.В. Седов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: sedov1960@mail.ru

Поступила в редакцию 30.08.2021 г.

Статья посвящена архитектуре лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом и фресковой настенной росписи, расположенной в барабане и куполе наверху башни, а также намеченной на стенах самой винтовой лестницы. Эта роспись, выполненная в первой половине XII в., может быть интерпретирована по-разному: в настоящее время ее связывают с монашеским направлением, а в помещении в барабане купола часто видят индивидуальное пространство для монашеской молитвы. В результате анализа архитектуры лестничной башни становится ясно, что большая часть ее особенностей связана с княжеским заказом и с основным назначением башни: служить для подъема на уровень хор, предназначенных для размещения князя и его окружения. В связи с этим может измениться и понимание характера живописи наверху башни. В статье также затрагиваются вопросы хронологии строительства и росписи Георгиевского собора: роспись башни была внезапно остановлена, что может быть связано с несколькими событиями, из которых наиболее вероятно начало строительства княжеского храма Иоанна на Петрятине дворе в 1127 г., куда могли быть переведены мастера.

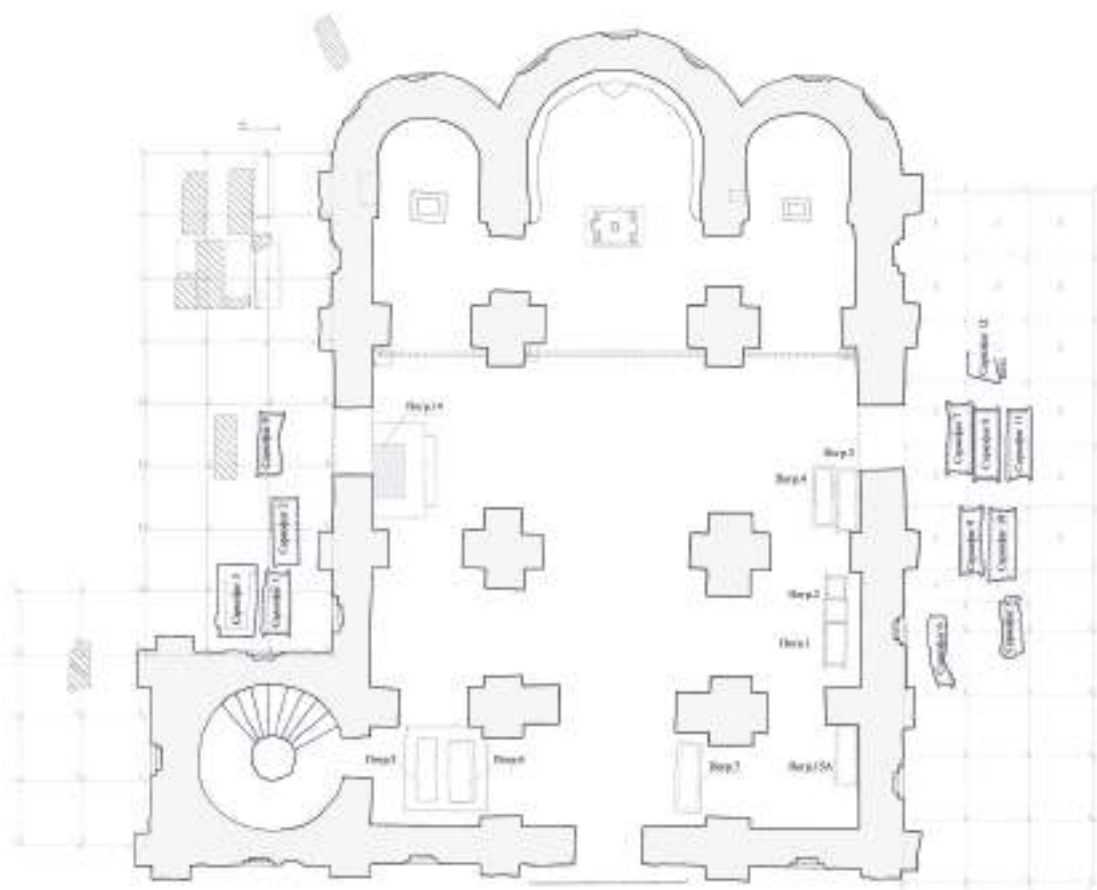
Ключевые слова: Древняя Русь, средневековый Новгород, княжеская архитектура, монашеское искусство, археология, настенные росписи, техника фресок, атрибуция.

DOI: 10.31857/S086960630016578-4

Лестничная башня Георгиевского собора Юрьева монастыря вблизи Новгорода представляет собой выступающий к северу от нартекса большого храма квадратный в плане объем, к которому еще в XII в. тяготели устроенные в земле саркофаги как к востоку от башни, так и в северной части нартекса (рис. 1). Монастырский собор был, вероятно, заложен в 1119 г. князем Всеволодом (Гавриилом) Мстиславичем, о чем сообщает Первая новгородская летопись, причем лишь в Синодальном списке говорится о закладке не только монастыря, но и каменного собора: “Въ лѣто 6627. Заложил Кюрьякъ игумен и князь Всѣволодь церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ” (Полное собрание..., 2000. С. 21). Здесь интересно подчеркивание имени игумена Кириака и постановка имени князя Всеволода на второе место, однако это могло быть связано с тем, что князь Всеволод, оставленный править в Новгороде его отцом, переместившимся в 1117 г. на киевский престол князем Мстиславом Владимировичем (Полное собрание..., 2000. С. 20), был еще очень молод. Князь Всеволод женился только в 1123 г. (Полное собрание..., 2000. С. 21). Возможно, что закладка каменного храма осуществлялась на средства князя Всеволода, во многом

еще пока номинально правившего Новгородской землей, а также, на большом расстоянии, его отцом, а игумен Кириак, уже назначенный на эту степень, указан первым именно как церковный деятель, основывающий монастырь. Однако все же не исключен какой-то особый статус игумена, впрочем, все равно ограниченный княжеским ктиторовством. Игумен Кириак скончался в 1128 г.: “Въ лѣто 6636. Прѣставися игумень Кюрьякъ святого Георгия” (Полное собрание..., 2000. С. 22).

Князь Мстислав Владимирович (совместно с сыном князем Всеволодом, которому он “повелел”) дал Юрьеву монастырю грамоту, которую датируют 1130 г., когда, по сообщению летописи, князь Всеволод “ходи Кыеву къ отцю” (Полное собрание..., 2000. С. 22). В этой грамоте монастырю дается волость Буйце, 25 гривен и серебряное блюдо (Грамоты..., 1949. С. 140, 141). Во время своего правления князь Всеволод Мстиславич дал Георгиевскому монастырю две грамоты: на рель от Волхова и на Терпужский погост Ляховичи (Грамоты..., 1949. С. 139, 140). В грамоте князя Мстислава Юрьеву монастырю на погост упомянут игумен Исая, который, по рассказу летописи, в 1135/1136 г. (6642) ходил послом в Киев (Полное собрание..., 2000. С. 23), его настоятельство

Рис. 1. План Георгиевского собора Юрьева монастыря с раскопанными частями, погребениями и саркофагами. Чертеж Е.Н. Пророковой (2019 г.) по материалам автора.

Fig. 1. Plan of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery with excavated areas, burials and sarcophagi. Drawing by E.N. Prorokova (2019) based on the author's materials

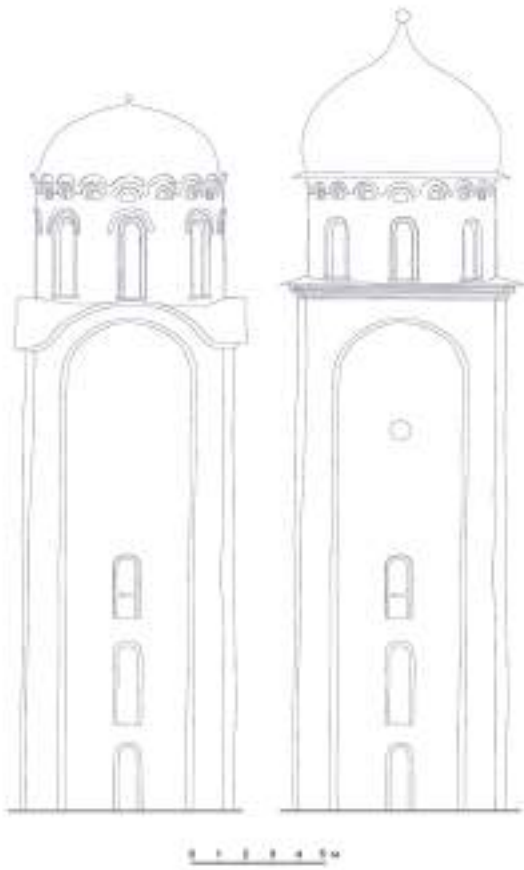
началось, очевидно, в 1128 г., со смертью игумена Кириака. Князь Мстислав Владимирович умер в 1132 г., а потому грамоту В.Л. Янин датирует в промежутке от 1128 до 1132 г. с предпочтением в сторону 1130 г., когда князь Всеволод ездил в Киев к отцу (Янин, 1991. С. 135, 136).

О закладке храма в 1119 г. и об освящении храма в 1140 г. говорит поздняя (XVII в.) Третья Новгородская летопись: “В лето 6627. Великий князь Всеволод Мстиславичь заложил церковь каменную в Великом Новгороде, и игумен Кириак, от града за три поприща, во имя святого великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велий и братию собраша; и соверши великий князь Всеволод Мстиславичь, и освятиша в лето 6648, июня в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла; а мастер трудился Петр” (Новгородские летописи, 1879. С. 214). Эта летописная запись, возможно, основана на процитированной Н.М. Карамзиным надписи в самом соборе:

“Лѣта 6627 заложил церковь каменну Князь Великий Мстислав Св. Георгия въ монастырѣ Юрьевѣ, а совершилъ ею Великий князь Всеволодъ, сынъ Мъстиславичъ Гавриилъ; а освятилъ ею въ лѣто 6648 мѣсяца июня на память Св. Апостолъ Петра и Павла при Игуменѣ Исаии, а зачата бысть при Игуменѣ Кирьякъ; а мастеръ дѣлалъ Петръ церковь о трехъ верхахъ” (Каргер, 1958. С. 567; Карамзин, 1988. С. 95, примеч. 225 к т. II).

Однако заметим, что надпись в соборе была сделана на основании летописного сообщения Третьей Новгородской летописи. М.К. Каргер (1958. С. 568) вслед за архимандритом Макарием (1860. С. 405, примеч. 7) предположил, что вместо 6648 г. следует читать 6638, т.е. 1130 г., который и можно считать годом окончания строительства.

Дату 1130 г. принял и автор надписи, которая была вделана в правое от входа окно Георгиевского собора и которая была составлена в 1825 г., т.е. уже после выхода в свет “Истории”

Рис. 2. Северный фасад лестничной башни Георгиевского собора. Реконструкция на XII в. (слева) и современный вид (справа). Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 2. The northern facade of the staircase turret of the St. George's Cathedral. Reconstruction as of the 12nd century (left) and modern look (right). Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

Н.М. Карамзина: “Святая сия церковь во имя святого великомученика Георгия основана великим князем Мстиславом в 1119 лето, совершена при сыне его великом князе Всеволоде, освящена в 1130 лето 29 дня июня, мастер был Петр, создатели игумены сего монастыря Кириак, скончавшийся в 1128 году, и Исайя, скончавшийся в 1157 году, их же на месте сем мощи опочивают; обновлена при блаженной державе императора Александра I в 1825 лет тщанием, усердием и иждивением архимандрита Фотия, их же всех и нас помяни, господи, егда приидеши во царствии твоём. Аминь” (Янин, 1988. С. 92, примеч. 7). Здесь дата из Третьей Новгородской летописи или из более ранней надписи в самом соборе уже была пересчитана с исправлением возможной ошибки.

Лестничная башня Георгиевского собора Юрьева монастыря сооружена одновременно

с храмом, она предназначена для того, чтобы заказчик мог взойти на высокие хоры храма, расположенные над нартексом и занимающие угловые западные части наоса, т.е. образующие П-образную фигуру. Внешне с двух сторон, восточной и северной, башня представляет собой отдельный высокий объем с лопатками по краям, увенчанный световым барабаном под куполом (рис. 2). С западной стороны башня продолжает членения фасада собора, выделяясь только барабаном и куполом, тогда как со своей южной стороны башня примыкает к собору.

Назначение башни (обеспечение пути наверх, на хоры) вроде бы ясно, генезис ее форм (она явно восходит по своему положению и устройству к лестничной башне церкви Благовещения на Городище, построенной около 1103 г. князем Мстиславом Владимировичем в качестве придворного, примыкающего к княжеской резиденции храма (Седов, 2019). Можно предположить, что лестничная башня храма Благовещения была подобна башне Георгиевского собора и послужила для последней образцом, но полной уверенности в этом все же нет, поскольку башня церкви на Городище сохранилась только на уровне самого низа лестницы.

Лестничная башня собора Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря (1117–1119) была построена круглой, ее венчает купол на световом барабане, в котором был, вероятно, устроен придельный храм, посвящение которого неизвестно. Само устройство башни в соборе Антониева монастыря (вне зависимости от ее почти случайной круглой формы) и связанное с наличием башни трехглавое завершение этого собора с барабанами над средокрестьем, южной частью нартекса и башней было повторено в соборе Юрьева монастыря, где мастера вернулись к квадратному плану сооружения (Седов, 2021). Эта композиция в соборе Рождества Богородицы с большой вероятностью восходит к храму Благовещения на Городище.

Лестница внутри башни Георгиевского собора поднимается вокруг опорного круглого столба по спирали, она закручена против часовой стрелки и перекрыта веерно расположенными коробовыми сводиками, составляющими одновременно и перекрытие нижнего витка лестницы, и основание верхнего. Лестница довольно скупо освещена небольшими окнами прямоугольного сечения в просвете.

Внизу, на уровне девятой ступени, на столбе расположен камень, на котором под обмазкой

XII в. раскрыта¹ надпись, прочитанная Т.В. Рождественской и опубликованная А.А. Зализняком: “ВЪВЕРИЦЬ ТРИ НА ДЕСАТЕ ГРИВЪНЪ И РЪЗАНА” (Зализняк, 2004. С. 279). Здесь мы публикуем часть графического листа, исполненного архитектором-реставратором Т.В. Силаевой под руководством В.А. Дружинина, возглавлявшего работы по архитектурному обследованию собора; представлены прорисовки надписи, положение надписи относительно ступеней и положение камня на северной стороне столба башни (рис. 3)². Эта надпись, зафиксировавшая довольно крупную денежную сумму, напоминает известие о расчетах князя с мастерами (“делателями церковными”) в “Сказании об освящении церкви Георгия в Киеве”: «В тож д(е)нь с(вя)таг(о) мученика Георгия, с(вя)щенъ ц(е)ркве его, иже в Киеве, пред враты с(вя)тыя Софья. Бл(а)ж(е)ныи приснопамятныи всея Русьскыя земля князь Ярослав, нареченый во с(вя)том крещеньи Георгий, с(ы)н Володимеръ, кр(е)стившаго землю Руськую, брат же с(вя)тою мученику Бориса и Глеба, съ въсхоте создати ц(е)рк(о)вь в свое имя с(вя)того Георгия, да ему же въсхоте то и створи. И яко начаша здати ю и не бе у нея мног делатель, и се видев князь призва тивуна, и реч(е): “Почто не много у церкви стражающих?” Тивун же реч(е): “Г(о)с(поди)не, понеже дело властельско есть, и бояться людье, еда труд подымши наима лишени будут”. И реч(е) князь: “Аще тако есть, то аз сице створю”, и повеле куну возити на возех в комары золотых ворот, и возвестиша на торгу людем, да возмет кождо по ногате на д(е)нь, и быс(ть) мьного делающих. И тако въскоре кончаша ц(е)рковь, и с(вя)ти ю Лариономъ митрополитомъ м(е)с(я)ца ноября в 26 д(е)нь, и створи в неи настолование новоставимым

¹ Работы 1992 г. под руководством В.Д. Сарабьянова.

² Помимо приведенных на рис. 3 позиций Т.В. Силаевой даны выходные данные объекта, перевод надписи и Примечания: “Закладной камень с надписью в северной части столба лестничной башни был раскрыт летом 1992 г. бригадой московских художников-реставраторов под руководством В.Д. Сарабьянова в связи с работами по расчистке и укреплению древней живописи в интерьере лестничной башни собора. Камень заложен заподлицо в кладку столба лестничной башни во время строительства собора в 1119–1130 гг., и тогда же была сделана надпись на нем. Доказательством этому служит цемьяночная обмазка толщиной 1.3–1.6 см, которая облицовывала поверхность камня, как и всю лестничную башню в интерьере и столб. Камень — известняк светло-серого цвета с неровной поверхностью. Надпись процарапана тонким острым предметом на глубине примерно 0.5 см; высота букв — 2.2–6.5 см. Сохранность надписи хорошая. Незначительные утраты показаны на копии тонкой штриховкой. Камень находится над девятой (по счету снизу) ступенью лестничной башни. Все размеры даны в см”.

еп(и)с(ко)п(о)м, и заповеда по всеи Руси творити праздник с(вя)т(о)го Георгия м(е)с(я)ца ноября в 26 д(е)нь» (Лосева, 2009. С. 325–327). Здесь, на этом камне, тоже считают и фиксируют какую-то сумму, возможно, затраченную на строительство башни или ее части.

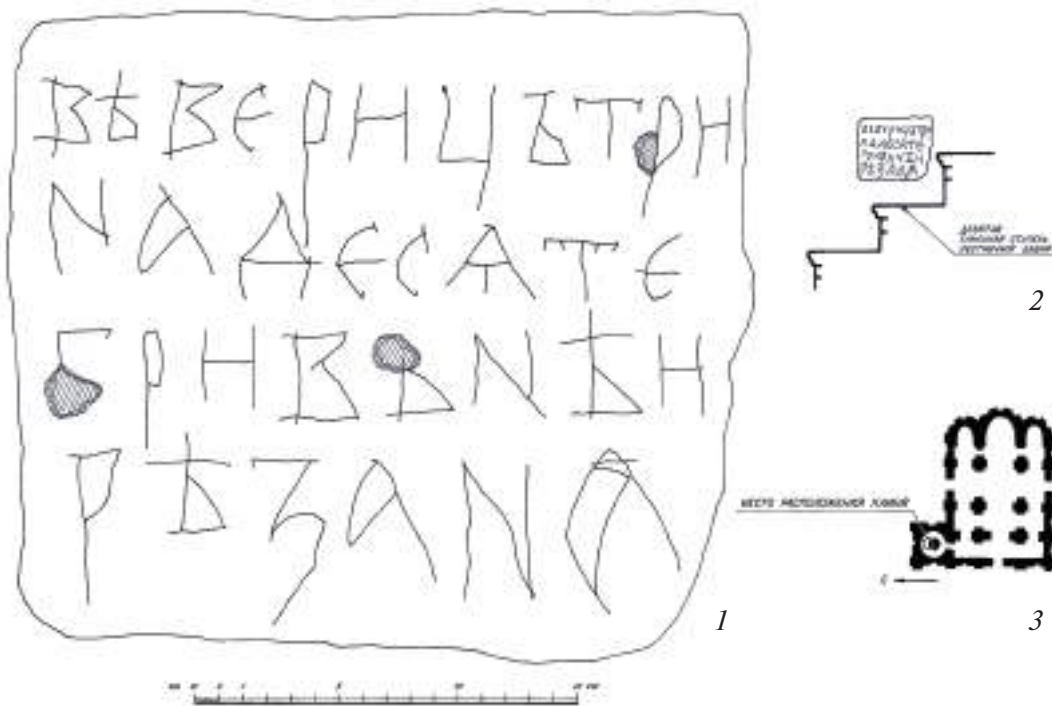
Сделав три витка, лестница выводит на хоры через довольно широкий проем. На столбе на уровне выхода на хоры прочерчена надпись “КОНЯЗЬ БЫЛЫ НА ФЕДОРОВО ДЪНЬ МЪСТИСЛАСВО”, т.е. “князь Мстислав был (здесь, в монастыре. — В.С.) на Федоров день” (Рождественская, 1992. С. 59–62). Т.В. Рождественская склоняется к тому, что упомянутым князем Мстиславом был именно князь Мстислав Владимирович. С этим мнением трудно согласиться, ибо этот князь после 1117 г. не был в Новгороде, во всяком случае никаких сведений об этом нет. Это мог быть визит одного из тех упомянутых исследовательницей новгородских князей XII в., которые тоже носили имя Мстислав.

Выше лестница имела бы уже почти совсем технический характер (как в Софии Новгородской, где лестница продолжается выше хор и оканчивается световым барабаном с куполом, причем в барабане окон немного, а никакого функционального назначения у него нет — это просто защита лестницы от осадков, оголовков лестницы), если бы не завершающий ее после двух дополнительных витков высокий и стройный барабан с восемью окнами и куполом.

Этот барабан представляет собой обычный для новгородской архитектуры начала XII в. круглый объем, прорезанный довольно узкими и высокими арочными окнами и завершенный полусферическим куполом. Подобный купол есть уже наверху лестничной башни собора Антониева монастыря, построенного накануне закладки Георгиевского собора, так что здесь преемственность налицо. Малый купол на барабане (глава) завершал, вероятно, и лестничную башню церкви Благовещения на Городище, начинающую весь ряд новгородских храмов начала XII в.; напомним также о малых главах над нартексом (в соборе Антониева монастыря и в самом Георгиевском соборе), а также о подобных главах над углами наоса (Никольский собор 1113 г.), от которых сохранились основания с началом оконных проемов.

Там, где каменная лестница-спираль заканчивалась, на столб могла опираться деревянная балочная конструкция, которая могла поддерживать деревянный же настил в основании главы (рис. 4). Примерно рассчитывается высота расположения этого настила, в который выходила

Рис. 3. Камень с надписью в нижней части лестницы. 1 – прорисовка камня; 2 – схема привязки камня; 3 – место расположения камня. Чертеж Т.В. Силаевой, 1992 г.

Fig. 3. A stone with an inscription at the bottom of the stairs. Drawing by T.V. Silaeva, 1992

лестница, а поэтому настил мог занимать около половины или несколько большую часть площади основания купола. Выше располагались окна барабана, и еще выше – сам купол.

Эта часть была расписана в древности, еще в первой половине XII в., и в отличие от фресок наоса здесь сохранились фигуры в рост с разделкой одежд, книгами, свитками и драгоценными орнаментами, а также лики. Основные фигуры расположены в простенках между окон, некоторые из них стоят на зеленом поземе, начинающемся от уровня уже давно исчезнувшего помоста, замененного в начале XIX в. каменной площадкой с продленной до этого более высокого уровня лестницей (в восточной части новый помост закрыл нижние части фигур). С востока узнается полуфигура Богородицы с младенцем, справа от нее – полуфигура Спаса, слева – святой Георгий в рост. Остальные фигуры в рост в этом регистре представляют святителей. Выше расположен фриз, проходящий в уровне верха окон и их простенков, а еще выше – опоясывающий основание купола. Здесь можно видеть меньшие по размеру ростовые фигуры святых (главным образом преподобных в этом регистре), а с востока – Богородица Оранта в арочном обрамлении. Еще выше – в восьми тондо поясные фигуры святых, а самая вершина купола не сохранила изображения

(здесь можно предположить Пантократора, но тогда что же было в главном куполе, Вознесение?; и что было в малом куполе нартекса?). Сопоставление световых барабанов Георгиевского собора дает картину, складывающуюся из трех глав, из которых глава над башней занимает среднее место по размерам (рис. 5, 1).

Д.В. Сарабьянов, много исследовавший росписи Георгиевского собора, сначала остановился на тех немногочисленных еще во время написания статьи фресковых фрагментах, которые были открыты неподалеку от собора при земляных работах (Сарабьянов, 1998). Ученый, датировавший росписи временем около 1130 г., увидел связь их стиля с росписями Николо-Дворищенского собора и собора Антониева монастыря (1125 г.), но при этом указал на небольшой размер известных ему ликов, предполагавший меньший масштаб изображений.

В статье, посвященной росписям башни Георгиевского собора, Д.В. Сарабьянов (2002) разработал концепцию их интерпретации, а несколько позже практически повторил ее, уточнив некоторые детали (Сарабьянов, 2012 С. 184–200), и датировал коротким периодом с 1128 до 1132 г., т.е. от начала правления в монастыре игумена Исайи до смерти князя Мстислава. Вкратце гипотеза

Д.В. Сарабьянова выглядит так: росписи барабана башни и подготовительные рисунки башни принадлежат к одному периоду и проникнуты одним замыслом. Это монашеское по духу искусство, где сама лестница делается символом духовного восхождения, молитвенного пути; ниши, выходящие на лестницу, делаются местом молитвы, а барабан купола наверху воспринимается как “храм-алтарь”, предназначенный для проведения закрытых монашеских богослужений, что подчеркнуто преобладанием фигур преподобных в росписи барабана. В результате ученый пришел к мысли о противопоставлении изысканных по манере исполнения, аристократических росписей наоса и росписей башни, которые, “являясь составной частью одной из главных построек княжеского заказа, демонстрируют нам, тем не менее, первый пример ранее неизвестного Новгороду глубоко аскетичного, сугубо монашеского по духу искусства” (Сарабьянов, 2002. С. 395).

Не все построения В.Д. Сарабьянова можно принять. Световой барабан над башней действительно имел особое помещение наверху, возможно, придельный храм, посвященный или Спасу (по фигуре справа от Богородицы), или даже самому Георгию Победоносцу, изображенному, как уже было сказано, слева от Богородицы; это единственный не святитель, а мученик в этом регистре, тем самым он выделен (рис. 5, 2). Этот барабан был залит светом из высоких окон (рис. 5, 3). Но по своему назначению это мог быть и придел в монастырском храме княжеского монастыря, предназначенный для особых служб в присутствии заказчика. Данных для того, чтобы считать этот придел исключительно монашеским или игуменским, нет. Более того, присутствие в таком соборе особого молитвенного помещения для игумена трудно представить. Ясно, что наличие подобного придела (впрочем, так и не расписанного) в соборе Антониева монастыря, в постройке которого подчеркивается роль игумена, дает пищу для предположения об особом помещении для игумена и его молитвы. Но роль князя в построении собора Антониева монастыря недостаточно изучена, а вероятная связь формы завершения башни этого собора с церковью Благовещения на Городище дает предположение о повторении в монастырском соборе форм придела над башней в сугубо княжеском храме. Есть вероятность, что в Георгиевском соборе каждая глава отмечала престол: большой барабан над наосом собственно храма, средний по диаметру барабан над лестничной башней и малый барабан над приделом на хорах.

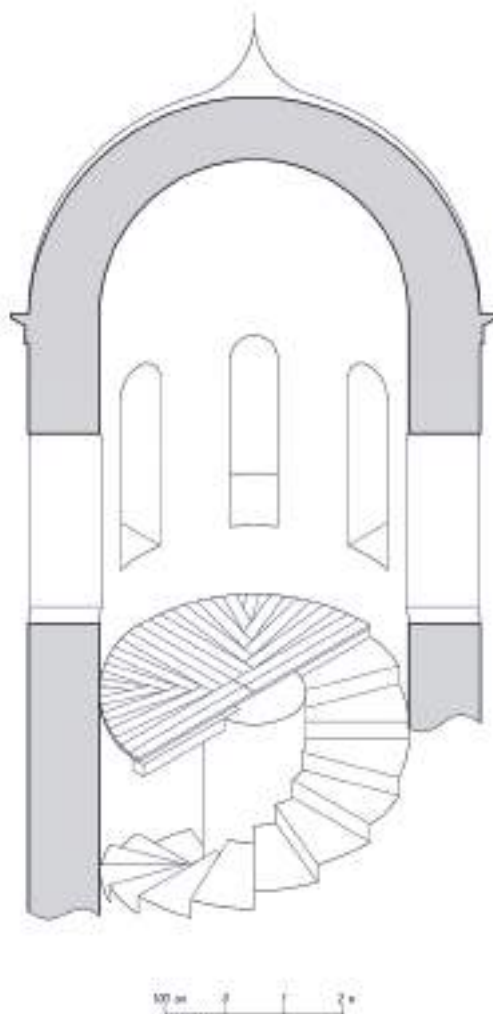
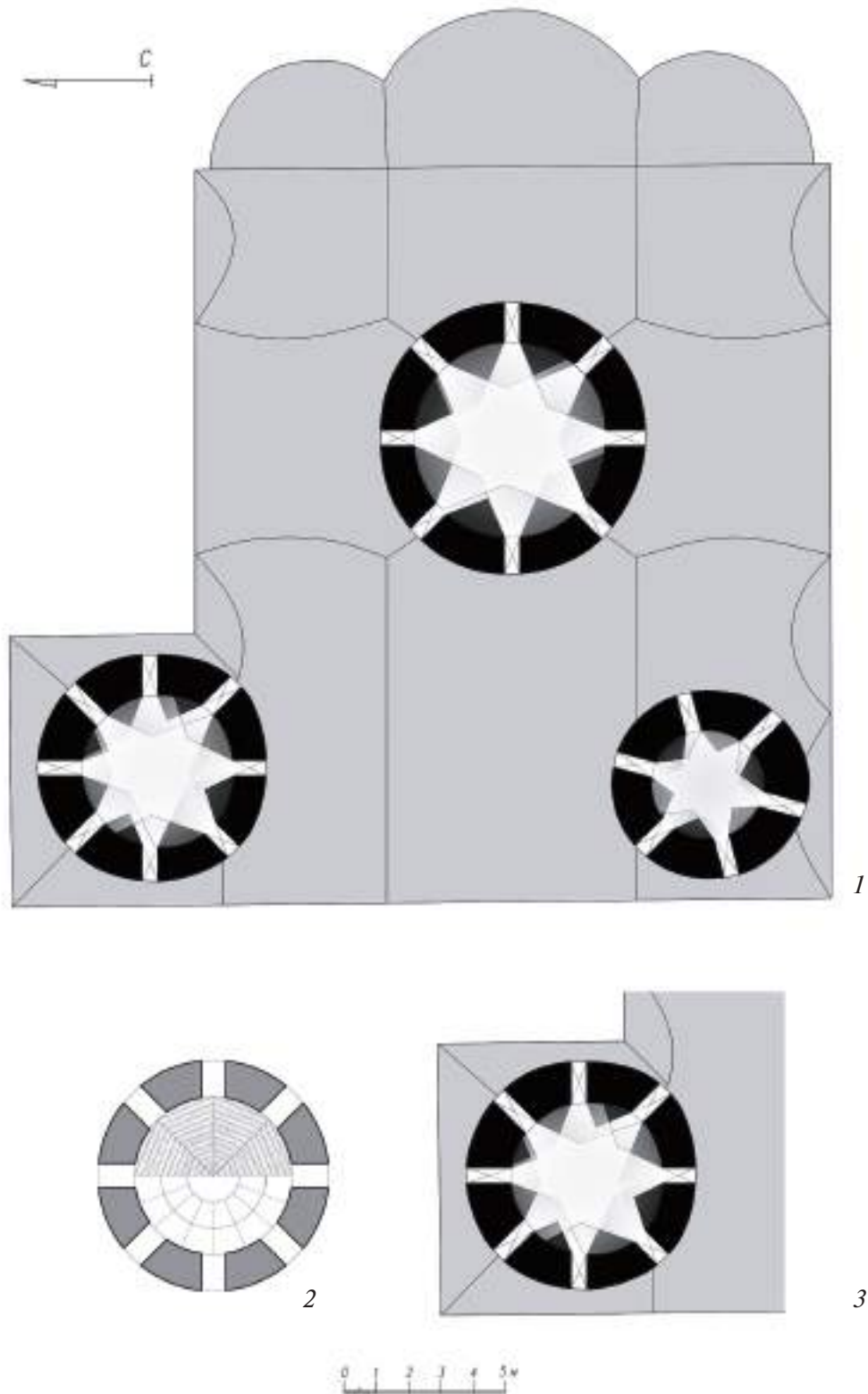

Рис. 4. Вариант реконструкции пространства наверху башни. Аксонометрия. Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 4. A reconstruction of the space at the top of the tower. Axonometric projection. Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

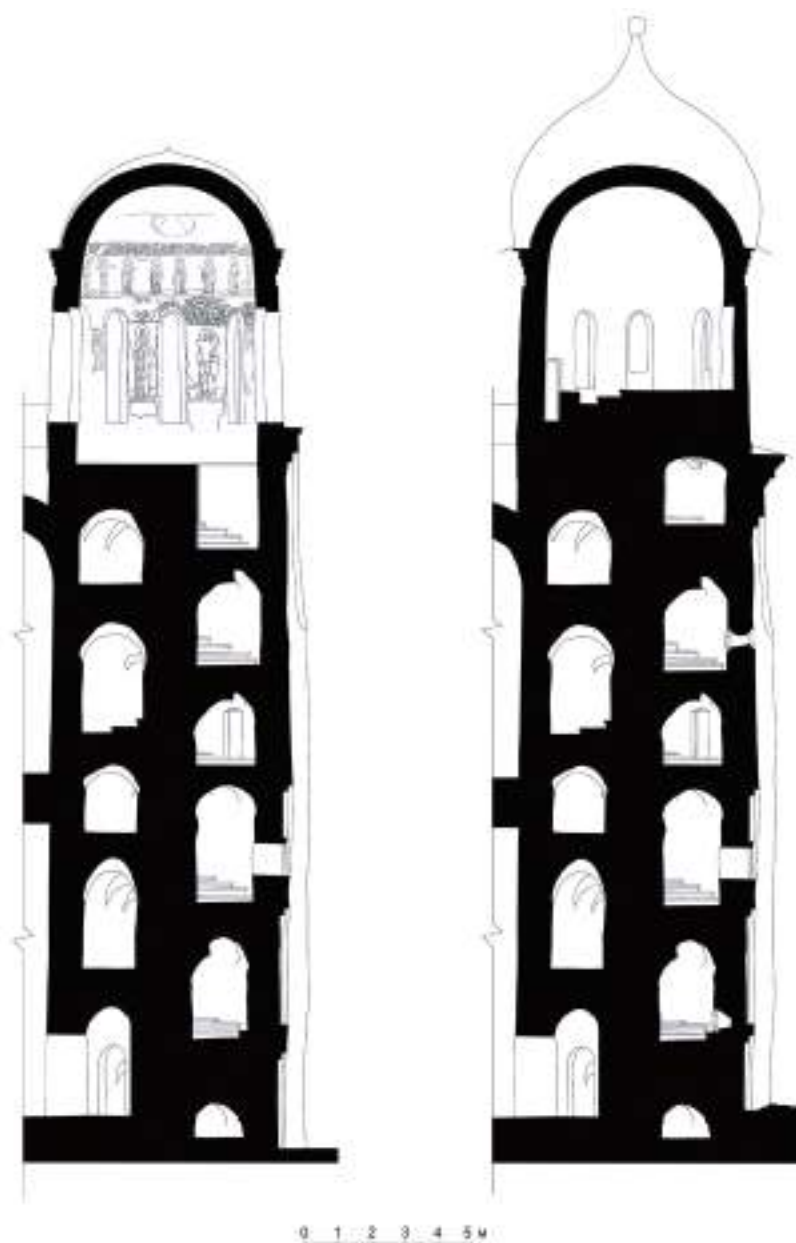
Один придел на хорах в Георгиевском соборе был, его отмечает опись Новгорода 1615 г.: “Монастырь ЮРЬЕВ, а в нем храм Георгий Великомученик; на полатех Вознесенье Христово” (Опись Новгорода..., 1984. С. 325). Это вряд ли придел в главе над башней, скорее это придел именно на хорах, отмеченный световым барабаном в южной части хор.

Сама площадка внизу светового барабана над лестницей является дискуссионной конструкцией: мы не видим ее зримых следов, можно только предположить ее уровень. Оставшаяся после прихода наверх лестницы часть круга все же достаточно мала для придела, а кроме того, в стенах барабана нет богослужбных ниш, вроде бы необходимых для придела. Поэтому

Рис. 5. 1 – организация света в верхнем уровне Георгиевского собора; 2 – вероятный план пространства сверху лестничной башни; 3 – организация света в барабане наверху башни. Чертежи Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 5. 1 – the organization of light in the upper level of the St. George's Cathedral; 2 – the probable plan of the space at the top of the staircase turret; 3 – the organization of light in the drum at the top of the turret. Drawings by E.N. Prorokova based on the author's materials

Рис. 6. Разрезы лестничной башни с видом на запад. Слева – реконструкция разреза с первоначальным уровнем верха лестницы и с показанием фресок в барабане и куполе. Справа – современный разрез башни. Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 6. Sections of the staircase turret facing west. Left – a reconstruction of the section with the original level of the top of the stairs and with indication of the fresco painting in the drum and dome. Right – a modern section of the tower. Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

не исключено, что придела наверху не было, ни княжеского, ни игуменского, а лестница выводила в пустое пространство, которое завершалось куполом на барабане. Это мог быть купол не над приделом, а как в Софии Новгородской – над лестницей. Тем более интересно, что его решили расписать и расписали так, как обычную главу. Однако против этой “технической” версии говорит определенное выделение восточной

части росписи: полуфигурой Богоматери внизу, между окнами, и ростовой фигурой Богоматери Оранты наверху.

Отдельно нужно остановиться на круглых в плане нишах, которые находятся в углах квадратной массы башни, а входы в них открываются со спиралевидной лестницы на разных уровнях. Эти ниши никак нельзя считать монашескими помещениями для молитвы. Они имеют

конструктивный характер: они облегчают треугольные угловые массивы кладки, образующиеся при вписывании круглой в плане лестницы в квадратный план самой башни. Такая ниша сохранилась в первом ярусе придворной, совсем не монастырской церкви Благовещения на Городище, где она исполняла ту же роль: несколько разгружала большой треугольный массив кладки. В соборе Антониева монастыря такие ниши были не нужны, поскольку башня сделана круглой. В соборе Юрьева монастыря ниши имеют разную высоту, они располагаются последовательно в ярусах, одна над другой, они не имеют купольных или иных сводчатых перекрытий, а завершены напуском кладки. Мы настаиваем на конструктивном характере ниш, которые из-за своего тесного объема и часто небольшой высоты вряд ли были связаны с какой-то молитвенной практикой: некоторые из них совсем малы и неудобны для человека, даже в молитвенном поклоне. Трудно представить эти молитвенные пункты на лестнице, ведущей на княжеские хоры.

Росписи в барабане лестничной башни Георгиевского собора следует рассматривать как часть общего замысла росписей собора, общего княжеского заказа, претворенного в жизнь какой-то группой прибывших с юга мастеров (рис. 6). Эта роспись, оконченная к определенному времени в наосе (может быть, и к 1130 г.), началась, как и в любом храме, с вершины, с купола и барабана лестничной башни. Ниже была сделана только разметка линиями, намечены орнаменты и отдельные изобразительные композиции, сюжет и смысл во многом остаются неясными. Истории Самсона и олицетворения месяцев, а также изображения зверей (все эти сюжеты были опознаны В.Д. Сарабьяновым) трудно однозначно связать с монашескими идеалами, скорее как раз с княжеским заказом и полусветским характером росписи лестничного восхода на хоры храма, посещаемого князем. Нет полной уверенности и в том, что роспись в барабане и куполе хуже по качеству, чем росписи Николо-Дворищенского собора и собора Антониева монастыря, как утверждает Т.Ю. Царевская (2016. С. 196). Наоборот, можно даже говорить о работе одной группы мастеров и в наосе, и в барабане башни. Некоторую разницу в трактовке ликов, в наосе более детальных, можно попробовать объяснить следующим образом. Роспись в барабане, предполагавшая взгляд снизу, хотя и не с очень большого расстояния, была рассчитана на более общий и беглый взгляд, тогда как лики в наосе, особенно располагавшиеся в первых регистрах, имели более разработанный характер (не более детальный,

лик святого, соотнесенного с Саввой Освященным, демонстрирует очень подробный характер). В росписи барабана башни нет, кажется, того духа монашеской аскезы, о котором столь много говорилось. Эти росписи можно попытаться прямо сопоставить с росписью в наосе. Однако О.Е. Этингоф указывает на более разнообразный и богатый колорит и многослойное письмо фресок в наосе, тогда как “цветовая палитра башни сводится к ограниченной шкале, аскетичной и строгой, тяготеющей к монохромности” (Этингоф, 2018. С. 197).

В понимании росписей башни большую роль могут сыграть как дальнейшие наблюдения над архитектурой башни, буквально пронизанной теми же монументальными и репрезентативными идеями, что и сам собор, построенный по княжескому заказу, так и углубленные искусствоведческие исследования. Большое значение могут иметь естественнонаучные разработки: если синий и зеленый цвета, а также некоторые другие цвета и оттенки росписи барабана лестничной башни сделаны по той же рецептуре, что и эти же цвета в наосе, где в настоящее время³ известны огромное количество фрагментов росписи (Седов, 2015; Седов, Этингоф, 2016; Этингоф, 2018) и участки фресок на нижних частях стен (Седов и др., 2016), то предположение о работе одной группы мастеров получит частичное (или даже полное) подтверждение. Может быть, указание на ограниченную палитру фресок в барабане тоже будет скорректировано.

Следует сказать несколько слов о датировке росписей самого храма и его лестничной башни. В принципе роспись Георгиевского собора могла быть выполнена на большом временном отрезке от 1121 или 1122 (если собор построили быстро, в 1119–1120 гг.) до 1130 г., но все же и эта дата не самая поздняя, поскольку она основана на не совсем достоверном источнике. Для определения даты строительства собора и даты его росписи имеют большое значение два события: постройка в 1127 г. князем Всеволодом в честь сына церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворище (на Опоках) в Новгороде и переворот в Новгороде в 1136 г., когда князь Всеволод лишился своей власти. В этой церкви во время недавних археологических раскопок (руководитель И.В. Антипов, работы 2021 г.) обнаружены фрагменты фресковой живописи. Если эта роспись по цветовому набору и рецептуре красок похожа на роспись Георгиевского собора, то последнюю можно

³ Благодаря недавним (2013–2019 гг.) археологическим раскопкам (руководитель Вл.В. Седов).

датировать с некоторыми допущениями временем около 1127 г. или несколько ранее этой даты. Если роспись церкви Иоанна Предтечи была выполнена другими мастерами (также, как, например, роспись собора Антониева монастыря 1125 г., стиль и манера которой показывают работу иных живописцев, чем в Георгиевском соборе), то Георгиевский собор могли расписывать и до 1130 г., и даже после.

Для датировки росписи всего Георгиевского собора и его башни, а также для объяснения того, что верх башни, барабан и купол, был расписан, а ниже, на лестничном входе, роспись была едва намечена и брошена, важно понимание того, что роспись была остановлена: начата, как обычно, сверху, продолжена вниз, пусть и частично, и затем прекращена. Это могло произойти как при переходе мастеров на новый объект (в случае, если те же мастера работали и на церкви Иоанна Предтечи 1127 г. или, например, если они перешли в Троицкий собор во Пскове, сооруженный по заказу того же князя Всеволода), так и при какой-то исторической коллизии. Нет оснований полностью отрицать и возможности прекращения росписи в связи с переворотом в Новгороде 1136 г., когда князь Всеволод был арестован, а затем бежал в Псков, а власть в Новгородской земле досталась боярам. В этом случае прекращение работ было бы связано с исчезновением заказчика. Роспись Георгиевского собора в таком случае можно “оторвать” от его строительства, начатого в 1119 г.

Однако для подтверждения столь сильного отрыва работ по росписи собора от времени его сооружения нет пока веских оснований. Скорее работы по росписи велись в первой половине 1120-х годов, они длились несколько сезонов, а прекращены могли быть в тот момент, когда князь Всеволод занялся постройкой храма Иоанна Предтечи в честь рождения сына. Если в замысле собора Юрьева монастыря и его росписи мог участвовать пребывавший в Киевской Руси князь Мстислав, то основную роль в распределении средств играл, думается, все же его сын, князь Всеволод. Однако связь сына с отцом открывала широкие возможности для найма на юге Руси и даже в самой Византии “дружины” художников, расписавших Георгиевский собор.

Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2021-576.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. Кн. I, т. I–IV. М.: Книга, 1988. 593 с.

Каргер М.К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Вып. XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 565–568.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV века. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 466 с.

Макарий (Мирослюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье, 1860. 654 с.

Новгородские летописи. СПб.: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 488, 115 с.

Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 1984. С. 174–370.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. 170 с.

Сарабьянов Д.В. Фрески XII в. в основном объеме Георгиевского собора Юрьева монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник. 1997. М.: Наука, 1998. С. 232–239.

Сарабьянов Д.В. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век / Отв. ред. О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 365–398.

Сарабьянов Д.В. Живопись середины 1120-х – начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2/1. Искусство 20–60-х годов XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. С. 159–335.

Седов Вл.В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. Вып. 1 (78). С. 175–185.

Седов Вл.В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. № 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 10–34, ил. I–XII.

Седов Вл.В. Архитектура собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2021. С. 109–143.

Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Кадейшвили Е.А. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева

- монастыря (по материалам археологических работ 2014 г.) // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 8. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 11–17.
- Седов Вл.В., Этингоф О.Е.* Новые данные об архитектуре и фресках Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурное наследие. Вып. 65. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 16–29.
- Царевская Т.Ю.* Новые данные о первоначальной росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // Искусство христианского мира. Вып. 13. М., 2016. С. 195–206.
- Этингоф О.Е.* О фресках наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Opus mixtum*. 2018. № 6. С. 190–201.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. 238 с.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 382 с.

STAIRCASE TURRET OF THE ST. GEORGE'S CATHEDRAL IN THE YURIEV MONASTERY: ARCHAEOLOGY, ARCHITECTURE AND FRESCO PAINTING

Vladimir V. Sedov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sedov1960@mail.ru

The article focuses on the architecture of the staircase turret of the St. George's Cathedral in the Yuriev (St. George's) Monastery near Novgorod and fresco wall paintings in the drum and dome at the top of the turret as well as those marked on the walls of the spiral staircase itself. This painting made in the first half of the 12th century can be interpreted in different ways: at present, experts have been associating it with the monastic use. Moreover, the room in the drum of the dome is regarded as a solitary space for monastic prayer. The analysis of the architecture of the staircase turret leads to conclusion that most of its features are related to the princely order and the main purpose of the tower: a way to rise to the choir loft intended for the prince and his entourage. In this regard, the understanding of the nature of the painting at the top of the turret may change. The article also touches on the chronology of the construction and painting of the St. George's Cathedral: the painting of the turret was suddenly stopped, which may be due to several events. The most probable one is the beginning of the construction of the princely St. John's Church in Petryatin Court in 1127, where masters from the St. George's Cathedral could be transferred to.

Keywords: Rus, medieval Novgorod, princely architecture, monastic art, archaeology, wall painting, fresco technique, attribution.

REFERENCES

- Etingof O.E.*, 2018. The fresco painting in the naos of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery in Novgorod. *Opus mixtum*, 6, pp. 190–201. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 407 p.
- Karamzin N.M.*, 1988. Istoriya gosudarstva rossiyskogo [History of the Russian state]. Reprint edition. I, I–IV. Moscow: Kniga. 593 p.
- Karger M.K.*, 1958. To the issue of the sources of chronicle records about the activities of Peter the architect and Theophanes the Greek in Novgorod. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature at the Institute of Russian Literature]*, XIV. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 565–568. (In Russ.)
- Loseva O.V.*, 2009. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII – pervoy treti XV veka [Lives of Russian saints as part of ancient Prologues of the 12th – first third of the 15th century]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 466 p.
- Makariy (Mirolyubov)*, 1860. Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh [Archaeological description of ecclesiastic antiquities in Novgorod and its vicinity], 1. Moscow: Tipografiya V. Got'e. 654 p.
- Novgorodskie letopisi [Novgorod chronicles]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1879. XXIV, 488, 115 p.
- Opis' Novgoroda 1617 goda [Inventory of Novgorod of 1617], 2. Moscow: Institut istorii SSSR, 1984, pp. 174–370.

- Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The Novgorod first chronicle of the old and younger recensions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 692 p.
- Rozhdestvenskaya T.V., 1992. Drevnerusskie nadpisi na stekakh khramov. Novye istochniki XI–XV vv. [Medieval Russian inscriptions on the walls of temples. New sources of the 11th–15th centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 170 p.
- Sarab'yanov D.V., 1998. Fresco painting of the 12th century in the nave of the St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arkheologiya: ezhegodnik [Monuments of cultural heritage. New discoveries. Literature. Art. Archaeology: Yearbook]*, 1997. Moscow: Nauka, pp. 232–239. (In Russ.)
- Sarab'yanov D.V., 2002. Painting of the north-western tower of St. George's Cathedral in the Yuryev Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek [The art of Rus. Rus and the countries of the Byzantine world. 12th century]*. O.E. Etingof, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 365–398. (In Russ.)
- Sarab'yanov D.V., 2012. Painting of the mid 1120s – early 1160s. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, 2/1. *Iskusstvo 20–60-kh godov XII veka [Art of the 1120s–1160s]*. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, pp. 159–335. (In Russ.)
- Sedov V.I.V., 2015. Archaeological finds of 2014 in the St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Russian Foundation for Humanities Journal]*, 1 (78), pp. 175–185. (In Russ.)
- Sedov V.I.V., 2019. The main results of the excavations in the Church of the Annunciation at Gorodishche in 2016–2017: archaeology and architecture. *Arkhitekturnaya arkheologiya [Architectural archaeology]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 10–34, ill. I–XII. (In Russ.)
- Sedov V.I.V., 2021. Architecture of the Cathedral of the Nativity of the Theotokos in the St. Anthony's Monastery. *Sobor Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrja v Velikom Novgorode [Cathedral of the Nativity of the Theotokos in the St. Anthony's Monastery in Veliky Novgorod]*. Velikiy Novgorod, pp. 109–143. (In Russ.)
- Sedov V.I.V., Etingof O.E., 2016. New data on the architecture and fresco painting of St. George's Cathedral in the Yuriev Monastery. *Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 65. Moscow; St. Petersburg: Kolo, pp. 16–29. (In Russ.)
- Sedov V.I.V., Vdovichenko M.V., Kadeyshvili E.A., 2016. Fresco painting of the 12th century on the walls of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery (based on materials from the 2014 archaeological works). *Restavratsiya i issledovanie pamyatnikov kul'tury [Restoration and research on cultural heritage sites]*, 8. Moscow; St. Petersburg: Kolo, pp. 11–17. (In Russ.)
- Tsarevskaya T.Yu., 2016. New data on the original painting of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery in Veliky Novgorod. *Iskusstvo khristianskogo mira [The art of the Christian world]*, 13. Moscow, pp. 195–206. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1988. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika [The necropolis of the Novgorod St. Sophia Cathedral. Church tradition and historical criticism]. Moscow: Nauka. 238 p.
- Yanin V.L., 1991. Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentariy [Novgorod records of the 12th–15th centuries. Chronological commentary]. Moscow: Nauka. 382 p.
- Zaliznyak A.A., 2004. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod dialect]. 2nd edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 872 p.